

Вторая причина, как и предполагал Фу Юйтан, заключалась в том, чтобы заявить о своих правах.

Он хотел показать всем.

Сколько бы Омега ни появлялось в доме Цзин, для Цзин Юя Гу Юньчжоу всегда будет единственным.

Гу Юньчжоу приказал телохранителям, нанятым Цзин Чжэнлинем, отправить временно обездвиженного Фу Юйтана в полицейский участок за незаконное проникновение.

Покончив с этим бедствием, Гу Юньчжоу потерял сон и вышел на балкон покурить.

Без «собачьего носа» Цзин Юя ему больше не нужно было курить тайком, как раньше.

В клубах дыма Гу Юньчжоу вспомнил первую встречу с тем «хроническим больным».

В тот раз, когда Гу Юньчжоу впервые оказался в доме Цзин, Цзин Юй прошёл дифференциацию всего полгода назад.

Тринадцатилетний подросток был худым, бледным и мрачным.

В то время Гу Юньчжоу ещё не знал, чем болен Цзин Юй, но, видя, что с ним что-то не так, инстинктивно не хотел приближаться.

Тем более что этот Альфа распространял свои феромоны хаотично, что для недавно прошедшего дифференциацию Гу Юньчжоу было крайне неприятным давлением.

Эти феромоны не были дружелюбными, они несли сильную агрессию.

К счастью, степень слияния их феромонов была высокой. Если бы здесь оказался другой Омега, он бы, вероятно, испытал психический срыв.

Тот, кто привёл Гу Юньчжоу, подтолкнул его приблизиться к подростку с нестабильным психическим состоянием.

Гу Юньчжоу был отправлен в дом Цзин своим отцом, у него не было выбора, и он медленно шагнул к болезненному юноше.

По мере приближения Гу Юньчжоу тело подростка становилось всё более напряжённым, его эмоции выходили из-под контроля.

Когда Гу Юньчжоу сделал ещё один шаг, тот, казалось бы, хрупкий юноша проявил невероятную силу.

Он поднял его и швырнул в сторону.

Стены комнаты были покрыты несколькими слоями звукоизоляции, а на полу лежал толстый ковёр.

Даже так, когда спина Гу Юньчжоу ударилась о пол, боль была невыносимой.

Он лежал на мягком ковре, долго не мог прийти в себя.

А подросток дрожал, словно от холода, его губы посинели, а глаза были полны красных прожилок.

Он сжался в комок, его лицо выражало сдержанность и уязвимость, словно он изо всех сил пытался сдержать что-то.

Безумец!

Это было первое впечатление Гу Юньчжоу о Цзин Юе.

Гу Юньчжоу лежал на ковре, холодно наблюдая, как бледный подросток переходит от ярости к спокойствию.

Вечером слуга принёс ужин и попросил Гу Юньчжоу отнести его старшему сыну семьи Цзин.

Гу Юньчжоу был здесь всего один день, и слуга, видимо, не подумал о нём, поэтому принёс только одну порцию еды.

Будучи без причины швырнутым этим сумасшедшим, двенадцатилетний подросток, привыкший мстить за каждую обиду, плюнул в стакан воды, прежде чем отнести ужин.

Альфа, чьи эмоции пришли в норму, не проявлял особой реакции на приближение Омеги.

Но Гу Юньчжоу тоже не подошёл слишком близко, просто поставил поднос в безопасное место.

Цзин Юй взял только стакан воды, а еду отодвинул к Гу Юньчжоу.

Его рука, лежащая на подносе, была длинной и бледной, под кожей чётко виднелись вены.

Альфа слегка коснулся своих сухих, потрескавшихся губ, его голос был чистым, как у подростка, но с лёгкой хрипотцой:

— Когда у меня припадок, держись подальше.

Сказав это, он сделал глоток воды.

Его губы были настолько сухими, что на них появились красные пятна, которые слегка побледнели после соприкосновения с водой.

Видимо, почувствовав странный привкус, он сделал лишь один глоток и поставил стакан.

Он опустил глаза, глядя на стакан воды, словно о чём-то размышляя.

Гу Юньчжоу взглянул на Цзин Юя, убедившись, что тот отдал ему ужин, и не стал церемониться.

Ужин состоял из каши и лёгких блюд.

Каша была пресной, что ещё можно понять, но блюда, казалось, забыли посолить, и даже непривередливый Гу Юньчжоу не мог их есть.

Позже Гу Юньчжоу узнал, что органы чувств Цзин Юя были гораздо острее, чем у обычных людей.

Поэтому с момента дифференциации он мог носить только самую мягкую одежду и есть пресную еду.

Именно тогда Гу Юньчжоу понял своё значение для Цзин Юя.

Он был его лекарством.

Вдыхая его феромоны, Цзин Юй успокаивался максимально.

В тот год Гу Юньчжоу было двенадцать лет, и он был полон юношеской дерзости.

Пользуясь своей ценностью для Цзин Юя, он вёл себя высокомерно и установил два правила:

— Первое: ты можешь подойти только тогда, когда я разрешу.

— Второе: я не люблю боль, так что будь осторожен!

— Если ты причинишь мне боль, я скорее уничтожу это «лекарство», чем позволю тебе чувствовать себя хорошо.

На его ещё не сформировавшемся лице читалась злость, не соответствующая возрасту.

Он холодно смотрел на Цзин Юя, говоря резко:

— Ты понял?

Видимо, никогда не встречая такого злого человека, Цзин Юй на мгновение замер.

Через некоторое время бледный подросток едва заметно кивнул и сказал:

— Хорошо.

Гу Юньчжоу, хоть и был молод, уже понимал стратегию «ударить, а потом дать пряник».

Даже если он внутренне был совершенно не согласен, он всё же повернулся и обнажил свою шею для Цзин Юя.

Омега, ещё не достигший возраста течки, испускал очень слабые феромоны.

Но даже этот лёгкий аромат мог успокоить напряжённые нервы Цзин Юя.

Нрав у Гу Юньчжоу был скверным, всё его поведение явно выражало неприязнь к Цзин Юю.

Зная, что Гу Юньчжоу его не любит, Цзин Юй не подошёл слишком близко, лишь сделал несколько шагов вперёд.

Шея Гу Юньчжоу была длинной и тонкой, а на белой коже виднелись многочисленные синяки.

Большие гематомы накладывались друг на друга, создавая пугающую картину.

Для Омegi с хрупким телом такие травмы могли быть смертельными.

Цзин Юй нахмурился, не удержавшись от вопроса:

— Эти раны я нанёс тебе в тот день?

— Да, — холодно ответил Омега.

Цзин Юй ещё раз внимательно посмотрел, затем спокойно произнёс:

— Ты врёшь, эти раны не свежие.

Омега, пойманный на лжи, не почувствовал ни капли стыда, он всё так же вёл себя высокомерно:

— Ты что, слепой? Не видишь царапину на моём плече?

Действительно, там была царапина, длиной всего три-четыре сантиметра, тонкая, как нить.

Если бы это был Альфа или Бета, они бы даже не почувствовали боли, но кожа Омеги была слишком нежной.

Цзин Юй посмотрел на тонкую царапину и больше ничего не сказал.

Гу Юньчжоу с самого начала испытывал отвращение к Цзин Юю, считая его психически больным.

Особенно когда у него случались припадки, и он, не в силах сдержаться, причинял себе боль, Гу Юньчжоу чувствовал ещё большее отвращение.

Он напоминал ему отца, который каждый раз в приступе ярости становился жестоким.

Поэтому Гу Юньчжоу никогда не был близок с Цзин Юем, и, несмотря на уговоры, не хотел оставаться с ним в одной комнате на ночь.

Прожив в доме Цзин довольно долго, Гу Юньчжоу наконец понял, почему у Цзин Юя случались припадки.

Ментальная сила Цзин Юя была очень сильной, а это означало, что он видел и слышал больше, чем другие.

Мир для Цзин Юя был шумным и хаотичным.

Любой звук, доносящийся до его ушей, усиливался, словно множество тонких игл впились в его барабанные перепонки.

Поэтому Цзин Юй мог находиться только в комнате с хорошей звукоизоляцией.

Кроме того, у него была гипертимезия.

Гипертимезия лишила Цзин Юя способности забывать, и, чтобы не перегружать его память, до прихода Гу Юньчжоу он одиноко сидел в комнате, и никто не решался с ним разговаривать.

Но даже так, каждая секунда времени была для него воспоминанием.

Даже каждый вдох, его длительность и сила, он тоже не мог забыть.

Эти повторяющиеся воспоминания заполняли сознание Цзин Юя.

Давайте все напишем в комментариях, что Фу Юйтан — мазохист.

Фу Юйтан всегда проигрывает Гу Юньчжоу. Если он когда-нибудь получит от него преимущество, то только потому, что попал в ловушку 23333.

<http://bllate.org/book/16923/1558122>